

ложении различается всего лишь 21 согласная фонема. В положении же перед шумными и в исходе слова нейтрализуется не только корреляция палатализации, но и корреляции звонкости, в результате чего в этом положении различаются уже всего лишь 14 согласных фонем (р, т, к, х, с, џ, ш, ф, л, г, ж). Таким образом, в болгарском языке нет ни одной позиции, в которой различались бы все фонемы этого языка. Причем, однако, можно установить четыре типичные позиции: позицию максимального различения гласных (под ударением между согласными), позицию максимального различения согласных (перед гласными заднего ряда), позицию минимального различения гласных (перед безударными гласными) и позицию минимального различения согласных (перед шумными и в исходе слова). Те же четыре типа позиций обнаруживаются во многих языках мира.

Наконец, есть языки, которые отдают предпочтение определенному (прогрессивному или регрессивному) направлению нейтрализации. Как кажется, это часто связано с морфонологической и грамматической структурой языка¹.

VI. Сочетания фонем

1. Функциональная классификация фонем

Нейтрализация фонологических оппозиций является самой важной, но отнюдь не единственно важной проблемой учения о сочетании фонем. Ведь нейтрализуются лишь одни одномерные оппозиции, а они, как известно, в любой системе во всех случаях количественно уступают многомерным оппозициям. Во многих, а быть может, даже в большинстве случаев недопустимость той или иной фонемы в определенном положении не влечет за собой нейтрализации той или иной оппозиции. Тем не менее такая недопустимость определенных фонем в том или ином положении является весьма существенным фактором, который может иметь значение для типологии данной системы фонем. Это значит, что при описании любой фонологической системы необходимо со всей тщательностью перечислить все те правила, которые в каком-либо отношении ограничивают употребление отдельных фонем.

Очень часто на основании этих правил удается дать классификацию фонем, причем такая *функциональная классифи-*

¹ Cp. N. S. Trubetzkoy, Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem Russischen, «Charisteria Guil. Mathesio oblata», Praha, 1932, стр. 21 и сл.

кация восполняет другую, полученную путем логического анализа фонологических оппозиций.

Хорошим примером здесь может служить древнегреческий (точнее, аттический диалект). В древнегреческом была всего лишь одна фонема, которая встречалась только в начале слова: это так называемое густое придыхание (*spiritus asper*)¹. Фонемы, которые могли следовать после «густого придыхания», а также начинали слово без предшествующего им «густого придыхания», являлись г л а с н ы м и. Все прочие фонемы были с о г л а с н ы м и; среди них одно р в начале слова могло встречаться лишь после «густого придыхания», тогда как все прочие согласные никогда не встречались после него. Те согласные, которые могли быть в начале слова перед р, образовали класс м г н о в е н н ы х или э к с п л о з и в н ы х; все прочие согласные были д л и т е л ь н ы м и. Среди последних только одна фонема могла предшествовать эксплозивным в начале слова: это был с п и р а н т σ; все прочие длительные были с о н а н т а м и. Среди сонантов внутри слова два могли предшествовать σ; это были п л а в н ы е; два других не могли предшествовать σ; это были н о с о в ы е. Среди плавных в исходе слова могло быть только р; оно трактовалось, таким образом, как немаркированный член одномерной оппозиции р—λ. Среди носовых в исходе слова могло быть только ν; оно трактовалось, таким образом, как немаркированный член одномерной оппозиции μ—ν. Кроме того, в исходе слова могло быть еще только σ, тогда как мгновенные в этом положении не допускались. Среди мгновенных или эксплозивных лишь три фонемы могли быть после других мгновенных; это были а п и к а л ь н ы е или д е н т а л ь н ы е. Среди тех эксплозивных, которые не могли следовать после других эксплозивных, три фонемы не могли предшествовать μ, это были г у б н ы е; три же другие могли предшествовать μ; это были г у т т у р а л ь н ы е. Среди эксплозивных перед т встречались лишь π и κ, перед θ — лишь φ и χ, перед δ — лишь β и γ. Слогу с θ, φ, χ мог предшествовать только слог с π, τ, κ, а не слог с θ; φ, χ; в этом положении, таким образом, одномерные оппозиции θ—τ, φ—π, χ—κ нейтрализовались, причем τ, π, κ в качестве немаркированных членов представляли архифонеми. Итак, этот закон выделял два класса экс-

¹ В середине слова «густое придыхание» появлялось лишь в сочетании с геминированным р, но поскольку в этой позиции такое придыхание было обязательным, то оно не выполняло смысловозначительной функции, а значит, и не было фонемой

плозивных: глухие *п, т, к* и придыхательные *ф, ђ, х*. Что же касается прочих эксплозивных, то в исконно греческих словах они не могли удваиваться (геминироваться), выделяясь таким образом в особый класс *звонких*. Все прочие согласные как длительные, так и мгновенные (эксплозивные) могли удваиваться (геминироваться) после гласных (причем долгие придыхательные реализовались в виде *тѢ, пф, кх*). В положении перед *σ* одномерные оппозиции «глухие — звонкие» и «глухие — придыхательные» нейтрализовались, в результате чего в этой позиции имелся всего лишь один-единственный тип эксплозивных, характер которых, однако, из написаний *ζ, ψ, ξ* выяснить уже невозможно.

Таким образом, из правил сочетаемости фонем получается исчерпывающая классификация древнегреческих согласных, а также строгое разграничение между согласными и гласными. Такие случаи, однако, являются относительно редкими. Есть языки, где правила сочетаемости фонем позволяют провести классификацию фонем лишь в самом зачаточном виде. Например, в бирманском языке на основании правил сочетаемости можно установить лишь два класса фонем: *гласными* и в этом языке оказываются такие фонемы, которые допустимы в исходе слова, а *согласными* — фонемы, недопустимые в этом положении. Все бирманские слова являются односложными и состоят из гласного (соответственно дифтонга, имеющего однофонемную значимость), которому может предшествовать согласный. В этих рамках осуществляются все мыслимые комбинации фонем, в результате чего из правил сочетаемости удастся извлечь одно-единственное членение фонем на гласные и согласные. При этом фонемный состав бирманского языка исключительно богат: он имеет 61 согласную и 51 гласную фонему (если считать и просодические различия).

Если в таких языках, как бирманский, функциональная классификация фонем оказывается нелегким делом благодаря значительной однотипности слов и незначительному простору для комбинаторных возможностей, то в других языках четкая функциональная классификация фонем оказывается почти невозможной по прямо противоположным основаниям, а именно благодаря исключительно многообразию лексических типов и комбинаторных возможностей. Для фонологической типологии языков мира все эти особенности имеют большое значение.

2. Проблема общих законов сочетаемости фонем

В каждом языке фонемы сочетаются по специфическим для данного языка законам. Спрашивается, однако, не является ли по

крайней мере часть этих законов общезначимой для всех языков. Эту проблему недавно попытался разрешить Б. Трка¹.

Попытка, предпринятая Б. Трка, не могла полностью удалась, поскольку он исходил из устаревшего деления фонологических оппозиций на корреляции и дизъюнкции. И все же, несмотря на это, Б. Трка способствовал решению проблемы, высказав в упомянутой выше работе ряд плодотворных идей. Б. Трка полагает, что можно установить общезначимый закон, согласно которому внутри одной морфемы не могут сосуществовать два члена коррелятивной пары (цит. раб., стр. 57 и сл.). В такой редакции закон явно несостоятелен. В языках с последовательно проведенной корреляцией сближения сочетания фрикативного с соответствующим смычным вполне допустимы: ср., например, польск. *ścisłość* «точность», w Polsce «в Польше», *szczęść* «щетина», *jeździec* «всадник», *moźdżek* «мозжечок»; абхаз. *aśša* «самка домашнего животного», цимшиан *txā'xk'det* «они ели» и т.д. Во многих языках встречаются такие сочетания гласных, как *ui*, *ui*; так, например, в большей части Бургенланда (Австрия) дифтонг *ui* (например, *fuis* «нога»), восходящий к ср.-в.-нем. *uo*, отличается от дифтонга *ui* (например, *guip* «гульден»), восходящего к *ul*. В финском языке одноморфемное сочетание *ui* (= *ui*) хотя и редко, но все же употребляется; ср. *luuju* (произносится *lūijū*) «свинец». Во вьетнамском (аннамском) весьма употребительны *iū* и *ui*. Ср., наконец, французские *huit* «восемь», *huile* «(растительное) масло», *nuît* «ночь», *je suis* «я есмь» и т.д. В ряде языков (правда, крайне редко) в рамках одной морфемы можно встретить сочетания двух качественно одинаковых, но количественно разных гласных; так обстоит дело, например, в хайда (ср. *žāda* «женщина», *siūs* «(он) говорит» и т.д.)², в пракрите³, где, кроме того, в пределах одной морфемы возможны сочетания ненализированных и назализованных гласных⁴. Таким образом, закон Б. Трка оказывается недействительным даже

¹ B. T r k a, General laws of phonemic combinations, TCLP, VI, стр. 57 и сл.

² Cp. John R. Swanton в «Handbook of American languages», I (Bureau of American ethnology bulletin, XL), стр. 211 и сл.

³ Из словаря, приложенного к работе Германа Якоби (Hermann Jacobis, *Ausgewählte Erzählungen im Māhārāṣṭrī*, Leipzig, 1866, стр. 87 и сл.), мы заимствовали следующие примеры: *āga* «благословение», *ūsa* «такой», *ghara-čhāṇiā* «хозяйка дома», *pāga* «горожанин», *pāṇa* 1) «давать», 2) «поход», *pāva* «дерево», *pāsa* «молоко», *vāsa* «ворона»; *saśa* «настоящее», *sāga* «океан», а также наречия времени *kaā* «когда», *jaā* «когда», *taā* «тогда», *saā* «всегда», в которых можно выделить суффикс *aā*. При этом противоположение долгих и кратких гласных в *Māhārāṣṭrī* (как, впрочем, и во всех пракритских диалектах) нейтрализуется: перед геминированными согласными и перед сочетанием «носовой + согласный» все гласные оказываются краткими.

⁴ Ср. из того же словаря такие слова, как *saā* «сам», *saā* «всегда», *vaāsa* «луг». Перед носовыми и смычными вокалическая корреляция назализации в пракрите нейтрализуется.

для таких оппозиций, которые сам автор признает корреляциями. Однако самым ярким примером может служить консонантная корреляция назализации, поскольку сочетания типа *mb*, *nd*, *bm*, *dp* и т.д. свойственны многим языкам мира. Б. Трка, зная это, пытается устранить исключения подобного рода терминологической поправкой: вместо термина «корреляция» он предлагает для таких случаев термин «параллелизм» (цит. раб., стр. 59). С другой стороны, Б. Трка устанавливает, что в отдельных языках фонемы, с точки зрения употребляющейся до сих пор фонологической терминологии, не образующие коррелятивных пар, не могут находиться рядом (в рамках одной морфемы), например фонемы *s* и *š* или чешские *p* и *ň*. Тут Б. Трка готов назвать и эти пары фонем коррелятивными, отступая, таким образом, от принятой терминологии. Выше мы определили коррелятивную пару как привативную пропорциональную оппозицию (что по существу совпадает с определением «Проекта стандартизированной фонологической терминологии» (см. TCLP, IV, стр. 313 и сл.). Но после того как Б. Трка отказывается считать противоположения по назализации (*b—m*, *d—n*, *g—ŋ* и т.д.) корреляцией (так же, как он отказывается, как мы уже видели, считать корреляциями противоположения по сближению, противоположения *ü—i*, *u—ü* и «противоположения по количеству») и после того, как он, с другой стороны, называет корреляцией такие эквивалентные одномерные оппозиции, как *s—š* или *p—ň*, ему остается только дать новое определение понятию «корреляция». Он это и делает на стр. 59 названной работы. Там он пишет: «It is necessary, therefore, to distinguish this kind of phonemic relationship...from correlation, which represents such a close affinity that it deprives the members of the same pair of the capacity of being contrasted, as individual phonemes, in one monomorphemic combination». Для Б. Трка такое определение является единственно возможным: корреляцией в его понимании является такое тесное родство между двумя фонемами, которое делает невозможным их сосуществование как индивидуальных фонем в одноморфемном сочетании звуков. Однако достаточно подставить это определение под слово «корреляция» в сформулированном выше «законе» Б. Трка, как мы заметим, что весь закон превращается в тавтологию: фонемы, которые не могут сосуществовать в рамках одной морфемы, не могут сосуществовать в рамках одной морфемы! Трка называет свой закон «законом минимального фонологического контраста» («law of the minimal phonological contrast»; цит. раб., стр. 58). Такое наименование схватывает существо дела гораздо лучше, нежели данное им неудачное определение.

В действительности же дело заключается в том, что фонемы (лучше — фонологические единицы), которые сосуществуют в пределах одной морфемы, должны обнаруживать минимум различий. Заслуга Б. Трка состоит в том, что он заметил этот факт. Если мы рассмотрим сочетаемость фонем под этим углом зрения, то обнаружим, что определенные сочетания фонем фактически не допускаются ни в одном языке мира. Можно выделить две группы

таких универсально недопустимых сочетаний фонем: в одну группу входят сочетания двух согласных фонем, которые отличаются друг от друга лишь модальным признаком второй степени (за исключением корреляции интенсивности)¹; в другую группу входят сочетания двух согласных фонем, отличающихся друг от друга лишь принадлежностью к двум «родственным» (то есть относящихся друг к другу как члены привативной или эквиолентной одномерной оппозиции) локальным рядам. Все прочие сочетания фонем, отличающиеся одним-единственным фонологическим признаком, оказываются возможными если не в одном, то в другом языке².

Две названные группы «универсально недопустимых» сочетаний фонем обнаруживаются чисто индуктивным путем и не подводятся ни под какую общую формулу. В каждом языке к ним присоединяются еще и другие недопустимые для данного языка сочетания фонем; это значит, что «универсально недопустимые» сочетания никогда не исчерпывают полностью систему, они образуют лишь часть системы недопустимых в данном языке сочетаний фонем. Поскольку здесь все сводится к тому, что допустимые сочетания фонем должны обнаруживать известный минимум фонологических различий между своими членами, такой минимум для каждого языка оказывается особым. В бирманском, например, таким минимумом является противоположение согласных и гласных; внутри одной морфемы здесь недопустимы как сочетания двух согласных, так и сочетания двух гласных (фонемы, изображаемые на письме в виде сочетания букв «согласный + у», «согласный + w», в действительности являются палатализованными или лабиализованными согласными; hl, hm и т. д. передают глухие l', m' и т.д., дифтонги следует трактовать как однофонемные значимости); единственно возможным одноморфемным сочетанием является группа «согласная фонема + гласная фонема». Вьетнамский (аннамский язык) допускает внутри морфемы не только сочетания типа «согласный + гласный» (и «гласный + согласный»), но и сочета-

¹ В таких языках, как эстонский, лопарский (саамский), гвеебо, где фонологически различаются легкие и тяжелые геминаты (иначе говоря, геминаты с возрастающей и убывающей интенсивностью), все сводится к одноморфемному сочетанию обоих членов коррелятивной пары, относящейся к корреляции интенсивности.

² Здесь надо особо подчеркнуть, что сочетания двух просодем, отличающихся лишь просодическим признаком, безусловно, допустимы. Такие сочетания по существу возможны лишь в моросчитающих языках и дают в итоге двухмерные или трехмерные слогиносители с нисходящей, восходящей и т. д. интонацией. Равным образом долгие гласные с «толчком» представляют собой по существу лишь сочетание из двух мор, первая из которых является маркированным, а вторая немаркированным членом корреляции «толчка».

ния из двух и трех гласных; с другой стороны, сочетания из двух согласных в нем невозможны; таким образом, в этом языке все противоположения согласных (модальные, локальные и резонансные) столь незначительны, что они не достигают требуемого минимума, тогда как вокалические противоположения выходят за пределы минимума контрастности. В ганацких (моравских) говорах чешского языка наблюдается совершенно обратное явление, поскольку здесь в пределах одной морфемы сочетания гласных отсутствуют вообще, однако допускаются разнообразные сочетания согласных. Следовательно, в каждом языке нужно искать и специально определять свой собственный минимум контрастности; всякого рода «универсально недопустимые» сочетания фонем здесь мало помогают.

Универсально допустимыми сочетаниями фонем можно, пожалуй, считать лишь группу «согласный + гласный», что и заметил Б. Трнка (цит. раб., стр. 59). Такое сочетание является логической предпосылкой существования гласных и согласных, ибо в противном случае гласный не мог бы противостоять согласному: ведь фонема существует лишь постольку, поскольку она противопоставляется другой фонеме. Как бы там ни было, язык без сочетаний типа «согласный + гласный» немислим.

Сочетания смычных с гомоганным носовым, как подмечает Трнка в указанной работе, существуют лишь в языках, которым известны сочетания «согласный + гласный». Однако поскольку сочетание «согласный + гласный» имеется во всех языках мира, то эта формулировка означает не более того, что сочетание носового с гомоганным смычным возможно лишь в некоторых языках мира. Что же касается двух других сформулированных им законов, то они вполне приемлемы.

Сформулированный Б. Трнка закон, согласно которому сочетания из двух шумных, отличающихся друг от друга лишь своей принадлежностью к разным локальным рядам (например, *pt*, *xs*, *sf*), присущи только языкам, допускающим и другие сочетания с шумными (например, *sp*, *tr*, *kl*, *rs* и т.д.), судя по просмотренному нами материалу, соответствует действительности. Следующий закон Б. Трнка гласит: языки, допускающие сочетания согласных в начале и исходе слова, допускают сочетания согласных также внутри слова. Этот закон, по-видимому, справедлив для языков с многосложными словами. Но в языках с односложными словами сочетания согласных возможны лишь вначале (например, сиамский, где в начале слова встречаются группы «шумный + г, л»)¹ или в исходе слова; внутри же слова они исключены.

¹ Cp. Walter Trittell, Einführung in das Siamesische, «Lehrbucher des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin», XXXIV, 1930.

Таким образом, можно сказать, что общезначимые для всех языков мира законы сочетаемости фонем, поскольку их вообще можно обнаружить индуктивным путем, действительны лишь в отношении совершенно незначительной части мыслимых сочетаний фонем и, следовательно, не могут иметь существенного значения для учения о сочетании фонем.

3. Методы учения о сочетании фонем

Из всего сказанного выше следует, что сочетания фонем подчиняются в любом языке своим особым законам или правилам, которые имеют значение только для данного языка и которые необходимо устанавливать для каждого языка отдельно. На первый взгляд многообразие комбинаторных типов исключает возможность единого подхода в этой области фонологии: ведь каждый тип языка требует своих собственных методов. В некоторых языках учение о сочетании фонем исчерпывается совсем небольшим числом правил. Мы уже приводили в качестве примера бирманский язык, в котором все слова являются односложными и состоят либо из одного гласного, либо из сочетания согласного с гласным. Но и для такого языка, как японский, где число слогов в слове неограниченно, правила сочетаемости фонем можно свести к восьми пунктам: 1) в начале слова невозможны сочетания согласных, 2) внутри слова из всех сочетаний согласных возможно лишь сочетание «N + согласный», 3) в исходе слова возможны либо гласный, либо «гласный + N (п)», 4) гласному е не могут предшествовать палатализованные согласные, 5) гласному і не могут предшествовать непалатализованные согласные, 6) долгие (двухморные) гласные не могут быть ни перед геминированным согласным, ни перед завершающим слог N, 7) полугласный w встречается лишь перед а и перед о, 8) полугласный у встречается лишь перед и, о, а (у перед начальным е факультативен и в таком положении не может рассматриваться как самостоятельная фонема). В противоположность этому другие языки имеют большое число правил сочетаемости фонем. В работе Б. Трнка «A phonological analysis of present day standard English»¹ перечисление правил сочетаемости фонем в английском языке занимает не менее 22 страниц (23–45). И если бы даже эти правила можно было изложить несколько короче, все равно их оказалось бы очень много.

¹ Studies in English by members of the English seminar of the Charles University, Prague, V = «Práce z vědeckých ústavů», XXXVII, 1935.

Несмотря на такое многообразие языковых типов с точки зрения правил сочетаемости фонем, единый по возможности метод в этой области фонологии не только желателен, но прямо-таки необходим, ибо только при этом условии оказывается возможным сравнение различных языковых типов, а без сравнения удовлетворительной типологии не построить. Основные принципы единого метода в этой области можно сформулировать следующим образом:

Во-первых, правила сочетаемости фонем предполагают наличие более высокой фонологической единицы, в рамках которой они действенны. Такой более высокого порядка фонологической единицей не всегда должно быть слово. Во многих языках такой единицей считается не слово, а морфема, то есть комплекс фонем, который повторяется во многих словах и притом в одном и том же (вещественном или формальном) значении. Так обстоит, например, дело в немецком языке. Внутри немецкого слова возможно почти неограниченное число различных сочетаний согласных: например, *kstst* (Axtstiel), *ksšv* (Fuchsschwanz), *pstb* (Obstbaum) и т.д. Установить здесь какие-либо правила сочетаемости фонем можно лишь с большим трудом. Напротив, фонематическая структура морфем, из которых состоят немецкие слова, довольно прозрачна и подчиняется вполне определенным правилам сочетаемости. Отсюда следует, что в отношении немецкого языка правила сочетаемости целесообразно исследовать лишь в рамках морфемы, а не в рамках слова. Первая задача учения о сочетаемости фонем в любом языке состоит, таким образом, в определении той фонологической единицы, в рамках которой целесообразнее всего изучать правила сочетаемости фонем.

Вторая задача учения о сочетаемости фонем состоит в целесообразной классификации «рамочных единиц» (слов или морфем) в зависимости от их фонологической структуры. Для таких языков, как бирманский, эта задача отпадает, ибо все рамочные единицы построены здесь совершенно одинаково. Но для такого языка, как немецкий, эта задача является чрезвычайно важной. Надо только, чтобы классификация рамочных единиц оказалась целесообразной с точки зрения учения о сочетании фонем. Так, например, в этом отношении было бы нецелесообразно делить все морфемы немецкого языка на основании их грамматических функций (то есть на префиксы, корни, суффиксы и окончания). Единственно целесообразным с точки зрения учения о сочетании фонем было бы подразделение немецких морфем на ударные и безударные: в первый класс вошли бы те морфемы, которые в составе сложного слова могут нести на себе главное или второстепенное ударение (например, *aus*, *tum*, *tier*; ср. слова *Auswahl* «выбор», *Eigentum* «соб-

ственность», *tierisch* «животный»); во второй класс вошли бы такие морфемы, которые никогда не несут ни главного, ни второстепенного ударения (например, морфемы *ge*, *st*, *ig* в таких словах, как *Gebäude* «здание», *wirfst* «бросаешь», *ruhig* «тихий» и т.д.). Ударные морфемы в немецком языке весьма многочисленны и разнообразны по своей структуре. По числу слогов, из которых они состоят, они могут быть подразделены на односложные (например, *ab*, *Axt*, *tum*, *schaft*, *schwarz* и т.д.), двухсложные (например, *Wagen*, *Abend*, *Arbeit*, *Kamel*), трехсложные (*Holunder*), четырехсложные (*Abenteuer*). В противоположность им безударные морфемы в немецком языке либо не образуют слога (например, *st* в *gibst*, *fein-st-e*), либо являются лишь односложными (например, *zig* в *vierzig*), ввиду чего дальнейшая классификация по числу слогов оказывается здесь невозможной. Целесообразнее делить неударные морфемы немецкого языка на проклитические (то есть такие, которые могут находиться только непосредственно перед акцентуемой морфемой, например *be* в *behalten* и т.д.) и энклитические (то есть такие, которые могут встречаться только после другой морфемы, например *er* и *isch* в *wählerisch*). Этому подразделению соответствуют совершенно различные фонематические структурные типы. Проклитические безударные морфемы всегда состоят из одного слога, который содержит гласный *e*; это либо «звонкий + *e*» (*be*, *ge*), либо «(согласный) + *er*» (*er*, *ver*, *zer*), либо «*e* + носовой + глухой» (*ent*, *emp*). Энклитические безударные морфемы либо вовсе не имеют гласного, либо содержат гласные *u*, *i*, *ə*; из согласных здесь возможны лишь *t*, *d*, *g*, *x*, *s*, *ʃ*, *l*, *r*, *m*, *n*, *ŋ*, причем *s*, *x*, *g* — только после *i* (*ig*, *lich*, *rich*, *isch*); *d* — только после *n* (*end*); *ŋ* — только после *u* или *i* (*Jüngling*); *s* — после *i*, *ə*, *n* или без сопровождения гласного (*nis*, *es*, *ens*, *s*, *st*); *n* — после *ə*, *i* или без сопровождения гласного (*en*, *in*, *n*); прочие (*l*, *m*, *r*, *t*) или после *ə*, или без сопровождения гласного. Из сочетания «согласный + гласный» внутри такой морфемы встречаются лишь группы «*n*, *l*, *r* + *i*» (*nis*, *lich*, *ling*, *rich*) и *t* + *ə*(*te*); из сочетаний согласных — лишь *nd*, *ns* и *st*¹. На ряд подти-

¹ Проф Р. Якобсон обратил наше внимание на то, что фонематическая структура немецких энклитических морфем связана с их грамматической функцией. Морфемы окончания либо лишены гласного, либо содержат в своем составе гласный *ə*, который в морфемах словообразования встречается лишь в сочетании с *n*, *r*, *l*; затем морфемы окончания имеют всего лишь пять согласных *s*, *t*, *n*, *m*, *g* и три сочетания *ns*, *nd*, *st*. Энклитические безударные морфемы, содержащие другие фонемы или сочетания их, являются тем самым морфемами словообразования.

пов можно подразделить и основные типы ударных морфем, характеризующихся тем или иным числом слогов. Так, например, односложные ударные морфемы немецкого языка распадаются на девять подтипов в зависимости от того, что стоит в начале или исходе их: гласный, согласный или группа согласных (Ei, Kuh, Stroh, Aal, Sohn, klein, Ast, Werk, krank). У двухсложных, трехсложных и четырехсложных морфем возможно еще большее число подтипов.

После проведения членения рамочных единиц на структурные типы необходимо исследовать сочетаемость фонем внутри самих структурных типов. Само собой разумеется, что при этом должны быть рассмотрены, с одной стороны, позиции внутри данной рамочной единицы (начальная, срединная, конечная), с другой стороны, три основные формы сочетания фонем (сочетание гласных между собой, согласных между собой и гласных с согласными).

Метод, который должен быть использован при исследовании форм сочетаемости фонем, с логической необходимостью вытекает из тех вопросов, на которые собирается ответить исследователь. Первым делом необходимо установить, ка к и е ф о н е м ы вообще сочетаются между собой в данной позиции, а какие исключают друг друга. Во-вторых, необходимо установить, в к а к о й п о с л е д о в а т е л ь н о с т и эти фонемы следуют друг за другом в данной позиции. И в-третьих, должно быть указано число членов в тех сочетаниях, которые допускаются в данной позиции. В методологическом отношении нужно признать образцовым исследование фонологической структуры английских односложных слов, предпринятое Кемпом Мейлоном¹. Кемп Мейлон исследовал отдельно все сочетания фонем, которые встречаются в начале, в середине и в исходе слова, и установил для каждой из этих трех позиций троякого рода ограничения: а) ограничения в отношении участия в сочетании (restriction in membership), б) ограничения в отношении последовательности сочетаемых фонем (restriction in sequence of members) и в) ограничения в отношении числа членов сочетания (restriction in number of members). Эти три типа ограничений дают исчерпывающий ответ на те три вопроса, которые имеют значение для исследования сочетаемости фонем.

В качестве примера можно было бы исследовать сочетания согласных, имеющие место в начале ударных морфем немецкого языка.

а) Ограничения в отношении участия:

1) В этих сочетаниях могут участвовать s («ss»), z («s»), x («ch»), h и η («ng»); 2) звонкие и глухие исключают друг друга (это значит, что в од-

¹ Kemp Malone, The phonemic structure of English monosyllables, «American speech», 1936, стр. 205 и сл.

ном и том же сочетании не могут быть одновременно глухие и звонкие); 3) смычные исключают друг друга; 4) фрикативные (f, š) исключают друг друга; 5) сонанты (r, l, m, n, v) исключают друг друга; 6) фрикативные не могут сочетаться с b, d, g, þ («pf»); 7) t, d не могут сочетаться с l; 8) f не может сочетаться с смычными; 9) v («w») не может сочетаться с лабиальными и лабиодентальными; 10) s («z») не может сочетаться с r, l, s, f; 11) n сочетается только с š («sch»), k, g; 12) m сочетается только с š.

б) Ограничения в отношении последовательности:

1) Фрикативные (f, š) могут быть лишь первыми членами сочетания фонем; 2) сонанты (r, l, m, n, v) могут быть только последним членом сочетания фонем; 3) между š и v невозможен никакой другой согласный.

в) Ограничения в отношении числа членов:

1) Из трехчленных сочетаний возможны лишь štr, špr и špl; 2) Сочетания, состоящие более чем из трех членов, недопустимы.

С учетом всех этих ограничений оказывается, что в начале ударных морфем немецкого языка возможны следующие сочетания согласных: br, pr, dr, tr, gr, kr, þr, fr, šr; bl, pl, kl, pl, fl, šl; gn, kn, šn; šm; dv, (tv), (gv), kv, cv, šv; št, šp, (šk); štr, špr, špl.

Аналогичные правила сочетаемости можно вывести также для средней и конечной позиций в ударных морфемах немецкого языка; кроме того, можно установить специальные правила для многосложных морфем. Выведенные таким образом правила должны быть сопоставлены между собой, причем может оказаться, что некоторые из них имеют более общую сферу употребления. Так, например, правила 2, 4, 6 и 9, перечисленные в пункте «Ограничения в отношении участия», оказываются пригодными не только для начала, но и для всех других позиций в морфемах немецкого языка. Отдельные правила должны получить формулировку, общую с другими правилами. Так, например, второе ограничение в отношении последовательности может быть заменено двумя правилами, имеющими силу для всех позиций в морфеме немецкого языка; а) из плавных (r, l) фонема r может быть лишь в непосредственном контакте с гласным, а l — в непосредственном контакте либо с гласным, либо с r, б) из носовых m, n могут находиться в непосредственном контакте либо с гласным, либо с плавным, а ŋ возможно только после гласного.

Лишь после того, как тем же самым методом будет исследована сочетаемость фонем во множестве языков, окажется возможным путем сопоставления различных языков, с одной стороны, создать типологию сочетаемости, а с другой — подвергнуть плодотворному обсуждению вопрос о закономерности правил сочетаемости.

4. Аномальные сочетания фонем

Правила сочетаемости накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав. Есть языки, правила сочетаемости которых последовательно охватывают все стороны словарного состава. В таких языках даже заимствованные слова преобразуются таким образом, что начинают отвечать обычным, действующим в отношении исконных слов правилам сочетаемости фонем. В других языках, наоборот, заимствованные слова подвергаются по возможности минимальным изменениям независимо от того, противоречат они правилам сочетаемости, действующим в отношении исконных слов, или нет. Они входят в словарный состав в качестве инородного тела. К таким языкам принадлежит, например, немецкий; ср. такие слова, как Psalm «псалом», Sphäre «сфера», Szene «сцена», pneumatisch «пневматический», с «ненемецкими» сочетаниями согласных в начале слова. Правда, подобного рода слова бытуют нормально лишь в сфере технического или «ученого» словаря; попадая в обиходный язык, многие из них приспособляются к нормальным правилам сочетаемости фонем¹. И лишь при далеко зашедшем двуязычии слова с чуждыми данному языку сочетаниями фонем усваиваются разговорным языком в такой мере, что уже не ощущаются более в качестве инородного тела. Это означает, что правила сочетаемости в данном языке претерпели соответствующее изменение.

Степень несоответствия, которая наблюдается между заимствованными словами и правилами сочетаемости, действующими в данном языке, зависит от многих обстоятельств. Прежде всего она зависит от многообразия сочетаний, существующих в данном языке. Такой язык, как японский, где допускаются лишь очень немногие сочетания фонем, не может увеличивать далее число допустимых сочетаний фонем, тогда как немецкий, в котором и так существуют многочисленные и разнообразные сочетания фонем, способен присоединять к допустимым сочетаниям еще целый ряд иноязычных. Правда, некоторые основные правила нарушать все же нельзя; например, звонкий не может быть рядом с глухим; г возможно лишь в непосредственном контакте с гласным и т.д. Такое грузинское слово, как *gvčtvnis*, немец не мог бы заимствовать без изменения его фонетической стороны.

С другой стороны, при заимствовании иностранных слов большое значение имеет наличие особых сочетаний фонем на с т ы к е м о р ф е м,

¹ Слово Sport многими немцами произносится уже с начальным š (sch) и в этой форме уже не несет на себе отпечатка чужого слова. В Вене Sport в качестве названия марки сигарет всегда произносится с š.

на что совершенно правильно указал Б. Трка¹. Такие сочетания, как *sc*, *sf*, *pn*, в немецком языке недопустимы в составе отдельной морфемы. Однако они встречаются в многоморфемных («сложных») словах на стыке морфем (например, *Auszug* «выписка», *mißfällig* «отталкивающий», *abnehmen* «отнимать»). Это облегчает сохранение *sc*, *sf*, *pn* в таких заимствованных словах, как *Szene*, *Sphäre*, *pneumatisch*, где они находятся в начале слова, так же как сохранению начальных сочетаний в *Psalm*, *Psychologie* и др. способствует наличие этих сочетаний в середине собственно немецких слов (напр., *Erbse* «горох»). С другой стороны, полное отсутствие сочетаний согласных (за исключением сочетания «N + согласный») в японском языке наблюдается не только внутри морфемы, но и на стыке морфем, что не дает возможности заимствовать иностранные слова в неизменном виде.

Все сказанное здесь об иноязычных сочетаниях фонем сохраняет свое значение и для диалектных, а также архаичных сочетаний. Письменный или литературный язык, как правило, заимствует диалектные слова лишь в преобразованном соответствующим образом виде. Диалектные слова с сочетаниями фонем, чуждыми письменному языку, оказываются в этом языке инородным телом; они характерны лишь для специальных разделов словаря. Ср., например, в немецком языке такие слова, как *Kaschperl* «петрушка», *Droschke* «пролетка», *Wrak* «обломки», *Robben* «тюлени», *Ebbe* «морской отлив» и др. Что касается слов с неупотребительными ныне сочетаниями фонем, заимствованными из старого языка, то они точно так же принадлежат специальным разделам словаря (а именно словарю поэтического или официального языка). Особую группу во многих языках образуют собственные имена (как личные, так и географические) как раз потому, что иноязычные, архаические и диалектные элементы у них сохраняются в неизменном виде и в литературном языке; ср., например, такие немецкие имена, как *Leipzig*, *Leoben*, *Altona*, *Luick*, *Treitschke*, *Pschorr* и т.д., либо содержащие необычные сочетания фонем, либо принадлежащие к редчайшим морфологическим типам². Следует, впрочем, заметить, что собственные имена и во многих других отношениях занимают особое положение в фонологической и морфологической системе.

Самую важную область аномальных сочетаний фонем составляют междометия, онomatопеические слова, слова, выражающие призывы, приказания, обращенные к животным, и, наконец, слова с «экспрессивной» окраской. После того что было сказано по этому поводу В. Матезиусом и Коржинском³, проблема может считаться окончательно выясненной и не нуждается в дальнейшем обсуждении.

¹ Ср. Б. Трка, TCLP, VI, стр. 60 и сл.

² Заметим, что и здесь возможны сочетания, которые в других случаях встречаются лишь на стыке морфем: *Leipzig* — *Abzug*, *Leoben* — *beobachten*, *Luick* — *ruhig*, *Treitschke* — *Deutschkunde*, *Pschorr* — *Abschied* и т.д.

³ V. Mathesius, O výrazové platnosti některých českých skupin hláskových, «*Naše řeč*», XV, стр. 38 и сл., а также J. M. Kořínek, Studie z oblasti onomatopoeje, «*Práce z vědeckých ústavů*», XXXVI, Praha, 1934. Ср. теперь еще V. Skalická, O maďarských výrazech onomatopoických, «*Sborník filologický*», XI, 1937.